

К. КЮЛЯВКОВ**

Мое самое светлое воспоминание***

В 1921 году в Москве состоялся III конгресс Коминтерна****. Болгарская делегация возглавлялась товарищами Георгием Димитровым и Василом Коларовым... Как член нашей делегации, я имел большое счастье не только видеть великого Ленина, но и разговаривать с ним и рисовать его с натуры.

Открытие конгресса состоялось в Большом театре. Гостиница, в которой остановилась наша делегация, была недалеко от театра,

* X съезд РКП(б) проходил в Москве 8–16 марта 1921 г. — *Ред.*

** Крум Кюлявков (1893–1955) — болгарский писатель, участник революционного движения, член болгарской компартии с 1918. Делегат III конгресса Коминтерна в Москве (1921). В 1928–1940 гг. жил в СССР, в частности на территории Украины (преимущественно в Харькове). Переводил Т. Шевченко. Заслуженный деятель культуры (1953).

*** «Мое самое светлое воспоминание» написано в 1952 Печатается по изд.: О Ленине. Воспоминание зарубежных современников. М.: Политиздат, 1966.

**** III конгресс Коминтерна проходил в Москве 22 июня — 12 июля 1921 г. — *Ред.*

и в назначенное время мы отправились на конгресс пешком. Выйдя на площадь, мы заметили, что за нами следом идет довольно большая группа детей. Чем мы заслужили такое внимание? Скоро все стало ясно. Последними шли я и Пенчо Дворянов. Дети не спускали глаз именно с Пенчо. Оказалось, что их любопытство было вызвано оригинальным покроем его шаровар.

После окончания торжественной части на сцене появился Шаляпин в сопровождении пианиста, который был ему едва по пояс, — от этого фигура Шаляпина казалась еще больше. Шаляпин спел несколько песен и закончил выступление «Дубинушкой». Зал гремел бурными аплодисментами, когда он вместо припева «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет!» запел:

Эх, дубинушка, ухнем!

Эх, советская, сама пойдет!..

На другой день начались рабочие заседания конгресса. В зале, где он проходил, впервые встретились делегаты разных стран, до того знавшие друг друга только по именам. Советские товарищи отнеслись к иностранным делегатам с большим интересом. В свободное время, в перерывах между заседаниями, они подсаживались к нам или же вместе с нами прогуливались в кулуарах, ведя оживленные разговоры. Но еще большим был интерес иностранных делегатов к крупным деятелям и героям Октябрьской революции. Здесь были люди, имена которых — и в первую очередь имя Ленина — прогремели на весь мир.

Ленина на конгрессе все еще не было. Он пришел, если не ошибаюсь, только на восьмое заседание. При его появлении зал грохотал от аплодисментов и оваций. Все делегаты стоя, с энтузиазмом приветствовали великого учителя и вождя, гения революции, который озарил человечество ярким светом своей глубокой марксистской мысли. Скромный и спокойный, он сразу же сел за стол и деловито стал рыться в своей папке, наклонив голову и уже не поднимая ее, — казалось, он хотел сказать: давайте оставим это, есть дела и поважней.

В это время с трибуны говорили итальянские делегаты. В их делегации были не только коммунисты, безоговорочно присоединившиеся к программе III Интернационала и которыми здесь руководил Дженнари*, но и последователи Серрати**, представи-

* *Дженнари Эджидио* (1876–1942) — итальянский коммунист, один из основателей ИКП (1921), профессор математики. Неоднократно избирался членом Исполкома Коминтерна.

** *Серрати Джачинто Менотти* (1872–1926) — видный представитель итальянского социалистического движения. Его реформистские ошибки подверглись резкой критике В. И. Ленина. В 1924 г. Серрати со своей

телем которых был Лаццари. Серратисты не соглашались с некоторыми пунктами программы III Интернационала. Чтобы убедить их в правоте этой программы и помочь Итальянской Компартии ликвидировать кризис, в Италию был послан в 1920 году Христо Кабакчиев*. Вот почему все стремились услышать, что сейчас скажет представитель серратистов, который только начал свое выступление, когда вошел Ленин.

Уже пожилой человек, оратор старой школы, Лаццари говорил темпераментно, преувеличенно жестикулируя и оборачиваясь во все стороны. Когда он закончил, все приготовились слушать перевод. Сейчас вы надеваете наушники и втыкаете вилку в ту розетку, над которой стоит надпись на вашем родном языке или языке, перевод на который вы хотели бы слушать. Тогда же перевод делался так: после окончания речи переводчики расходились по четырем углам зала и там переводили речь на русский, французский, немецкий и английский языки. Каждый отправлялся в тот или иной угол, в зависимости от того, какой язык он понимал.

Мы, естественно, отправились в угол, где давался русский перевод. Переводил, кажется, Луначарский... Заслушавшись переводом, я не заметил, как кто-то стал рядом со мной, плотно прижавшись к моему левому плечу. Оборачиваюсь — Ленин! Казалось, мое плечо обдало жаром. Какое счастье! Я всматривался в его лицо, которое было совсем близко от моего, чувствовал его дыхание, вглядывался в цвет лица и волос, стараюсь запомнить все как можно лучше...

Ленин продолжал слушать, время от времени что-то пометая в своей записной книжке. Лицо его теперь было спокойно, искренне и добродушно. Я продолжал его разглядывать и думал: какая человечность исходит от него! Гений, который настолько же велик, насколько прост и прекрасен. Так прост и мил, с такой обаятельной силой тебя притягивает, что ты не можешь глаз от него оторвать.

Когда переводчик закончил и делегаты стали расходиться и усаживаться, Ленин внезапно обернулся ко мне:

— А вы почему так загляделись на меня, товарищ?

— Извините, товарищ Ленин, — ответил я, немного смущенный этим неожиданным обращением, — но я художник. Наверно, буду когда-нибудь вас рисовать.

группой вступил в Коммунистическую партию Италии и активно работал в ее рядах до конца жизни.

* Кабакчиев Христо Стефанов (1878–1940) — видный деятель болгарского и международного рабочего движения. В 1921 г. как представитель Исполкома Коминтерна выступал с докладом на съезде Итальянской социалистической партии в Ливорно и участвовал в основании Итальянской Коммунистической партии.

- Ах, вы, значит, художник? А откуда вы?
- Из Болгарии.
- А много там наших художников?
- Да, есть.

Здесь в смущении я, понятно, немного преувеличил. Тогда в Болгарии наших художников-коммунистов можно было пере-честь по пальцам. Но все же они были.

Около нас собралось несколько человек — репортеры и художники. Они, как и я, жадно и с любопытством внимательно вглядывались в лицо Ленина.

— Товарищ Ленин, уделите нам немного времени, — попросил кто-то.

Ленин посмотрел на нас, захватил пальцами свою жилетку и кивнул головой.

— Ну, ну... Пойдемте.

Мы последовали за ним. В одной маленькой комнате было только несколько делегатов. Ленин сел на стул и, вынув блокнот из кармана, обменялся несколькими словами с одним журналистом, французом. Рисовали мы его три или четыре минуты — точно не помню. Кто-то сказал, что его зовут к телефону. Он ушел и больше уже не вернулся. К тому же перерыв закончился и начиналось заседание.

Первым слово получил Дженнари. Когда он кончил, Ленин поднялся на трибуну. Он отвечал Лаццари. И даже не отвечал, а скорее спрашивал. Вопросы сыпались один за другим, как пули из пулеметной ленты. Лаццари все чаще и чаще вынимал свой носовой платок и вытирал взмокшую шею. Теперь Ленин был уже совершенно другим. Его лицо было напряженно, вдохновенно, целеустремленно.

Другой раз мы были свидетелями интересной сцены. Ленин вошел и сразу же отправился к столу президиума. Но слова оратора, говорившего в то время, показались ему столь интересными, что он, не тратя времени на то, чтобы обойти колонну и попасть в президиум, присел на нижнюю ступеньку возвышения (на котором находился президиум) и быстро стал что-то записывать в свой блокнот. Этот интересный момент заснял много фотографов, многие художники сделали наброски. Одним из самых деятельных художников, сделавших тогда много рисунков, был Бродский.

Глубоко взрзался мне в память и другой случай.

Время, когда мы находились в России, было тревожным. Врангель еще не был сброшен в море. То тут, то там вспыхивал очаг контрреволюции. Москва выглядела безлюдной, потому что люди были на фронте, на ответственных участках по всей необъятной стране,

которым угрожала опасность. Москва была начеку. Студенческие общежития тогда напоминали казармы. Часто среди ночи студенты брались за винтовки, и из окон нашей гостиницы я слышал топот их ног, затихавший где-то в направлении Кузнецкого моста.

Из-за нехватки рабочих рук в то время возникли так называемые «субботники». Каждую субботу свободные граждане отправлялись на работу (нечто подобное трудовым дням у нас), бесплатно помогая молодому пролетарскому государству справиться с трудностями.

Делегаты конгресса также захотели принять участие в этих субботниках. И в одну из суббот, построившись в колонны, с песнями и маршами, мы отправились к указанному нам объекту. Это был Александровский вокзал*, где нужно было выгрузить из вагонов и рассортировать балки.

Мы прибыли на вокзал. Перед нами стояли длинные вереницы вагонов, груженных балками и другими материалами, — целые товарные составы, разгружать которые было некому. Распределившись по два человека на вагон, мы должны были сгрузить балки из вагонов, а затем сложить их в штабеля.

Разгрузка одного из таких вагонов досталась мне и товарищу Георгию Димитрову. Работа началась. Снимаем балки и осторожно кладем их в сторону. Вначале все шло хорошо: мы одновременно подхватывали балки и одновременно клали их на определенное место. Но к середине работы — уже когда вагон был почти наполовину разгружен — случилась небольшая неприятность. Одна из балок оказалась очень тяжелой. Товарищ Димитров, который был тогда в расцвете своих сил и был здоровее и сильнее меня, удержал балку, а я ее выпустил. Конец балки придавил мне ступню ноги, и я скорчился от боли. Удар был не очень сильным, но советские товарищи сразу же отправили меня в Кремлевскую больницу, где мне сделали компресс и уложили в постель.

Через несколько часов после этого ко мне подошла сестра, улыбнулась и сказала:

— А знаете, кто интересуется вами? Только что спрашивал Владимир Ильич. Он узнал, что один из иностранных делегатов ушибся при разгрузке балок на Александровском вокзале, и спрашивал о его здоровье.

Забывается ли такое? Очень трудно представить себе, как нашел Ленин время заниматься такими мелочами.

Эти отдельные моменты из жизни самой светлой личности в истории человечества глубоко врезались в мою память.

* Ныне Белорусский вокзал. — *Ред.*